

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

доктор химических наук

ПРИЧИНЫ КРАХА СОВЕТСКОГО СТРОЯ

Результаты предварительного анализа

Мы имеем опыт катастрофы, поражения советского строя, включая его политическую систему и систему межнационального общежития (СССР). За 20 лет мы многое поняли. Остается ряд загадок, но мы имеем к ним подходы. Об этом и будем говорить – создавая нашу картину крупными мазками, без деталей.

Данный доклад посвящен внутренним факторам и условиям, которые ослабили СССР и привели его к кризису 1980-х годов. С этим кризисом советский строй не справился. Это не значит, что внешние факторы считаются несущественными для судьбы СССР. Напротив, советский строй не устоял против разрушительного воздействия системы внутренних и внешних антисоветских сил, которая и сложилась в 1970–1980-е годы. Скорее всего, без этого обе группы сил порознь справиться с советской системой не смогли бы.

Решающее значение внутренних факторов определяется не тем, что у противников СССР в холодной войне без союзников внутри советского общества не хватило бы сил для победы. Для нас факторы внешней среды – это почти данность, устранить которую невозможно; а внутренние условия и факторы – следствие действий или бездействия самой советской системы. Это те переменные, на которые могло и обязано было влиять наше общество. Эти переменные все мы обязаны изучить – ведь жизнь продолжается, а уроки поражения – самые ценные.

Перед нами два вопроса: что такое был “советский строй” и что с ним произошло? Почему СССР рухнул, казалось бы, на пике своего могущества? Почему к концу 1980-х годов его легитимность была подорвана, и в массовом сознании иссякло активное благожелательное согласие на его существование?

Как было определено еще в XVI веке Маккиавелли, власть держится на силе и согласии. Развивая эту тему, А. Грамши добавил, что согласие должно быть активным. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то этого достаточно, чтобы организованные заинтересованные силы сменили социальный строй и политическую систему. А такие силы всегда есть и в стране, и за ее рубежами.

Работа подготовлена в рамках программы Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

В 1990–1991 годы массовое сознание населения СССР не было антисоветским. Люди желали, чтобы главные условия советского общественного строя были сохранены и развивались, но они желали этого пассивно. И этот общественный строй был обречен.

Трудность разговора заключается в том, что официальная советская история была мифологизирована, и нам требуются усилия, чтобы уйти от ее стереотипов. Многие покажутся непривычными, многое трудно будет встроить в устоявшиеся взгляды. Эта история “оберегала” нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими штампами. И мы не вынесли из истории уроков, даже из Гражданской войны.

Мы, например, не задумывались над тем, почему две марксистские революционные социалистические партии – большевики и меньшевики – оказались в той войне по разные стороны фронта. Советские экономисты обучались в Академии народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а Плеханов считал Октябрьскую революцию реакционной. Разве это не символично? Мы только сейчас узнаем, что западные марксисты называли большевиков “силой Азии”, в то время как марксисты-меньшевики видели себя “силой Европы”.

Этот разговор трудный еще и потому, что через образование мы получили язык западных понятий (в особенности язык марксизма), а болезни и радости незападных обществ сложно выразить на этом языке. Но давайте сделаем усилие и взглянем на катастрофу СССР без догм и стереотипов, стараясь говорить на естественном языке, а не на языке идеологии.

Итак, о том, что было. Кратко об исходных установках работы.

Советский строй – это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры. Надо различать советский проект, то есть представление о благой жизни и дороге к ней, и советский строй как воплощение этого проекта на практике. Многие из намеченного проектом не удалось создать в силу исторических обстоятельств, но очень многое удалось – сегодня это даже поражает. И то, и другое надо понять. Советский строй просуществовал 70 лет, но в бурном XX веке это было несколько исторических эпох. Его стойкость при одних трудностях и хрупкость при других многое сказали о человеке, обществе и государстве.

Советский проект – не просто социальный проект, но и ответ на фундаментальные вопросы бытия, рожденный в Евразии, в сложном обществе России, находящейся “между молотом Запада и наковальней Востока” (Д. И. Менделеев). Рядом был мощный Запад, который дал свой ответ на вопросы бытия в виде рыночного общества и человека-атома, индивида – из недр протестантской Реформации. Рядом начинал подниматься и мощный Восток, ответ которого на те же вопросы мы только-только начинаем понимать.

Советский проект повлиял на все большие цивилизационные проекты: помог зародиться социальному государству на Западе, демонтировать колониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал многое для укрепления и самоосознания цивилизаций Азии в их современной форме.

Советский проект не исчерпал себя, не выродился и не погиб сам собой. У него были болезни роста, несоответствие ряда его институтов новому состоянию общества и человека. Было и “переутомление”. В этом состоянии он был убит противником в холодной войне, хотя и руками “своих” – союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части интеллигенции (“западники”) и части преступного мира.

Никаких выводов о порочности проекта из факта его убийства не следует. Бывает, что умного, сильного и красивого человека укусит тифозная вошь, и он умирает. Никаких выводов о качествах этого человека и даже о его здоровье сделать нельзя. Из факта гибели СССР мы можем сделать только вывод, что защитные системы советского строя оказались слабы. Этот вывод очень важен, но на нем нельзя строить отношение к другим системам советского строя.

Нет смысла давать советскому строю формационный ярлык – социализм, “казарменный феодальный социализм”, государственный капитализм и т. д. Эти определения только ведут к бесполезным спорам. Например, во время перестройки интеллигенция увлек совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили о том, как его надо называть. Сказал, к примеру, “казарменный социализм” – и вроде все понятно.

Академик Т. И. Заславская уже под занавес перестройки в важном докладе озадачила аудиторию: “Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией?” [1].

Страну уже затягивало дымом, а глава социологической науки погрузилась в тонкости дефиниции и марксистской теории, смысл которой даже закоренелые начетчики помнили очень смутно.

А вот как трактует природу СССР профессор МГУ А. В. Бузгалин: “В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией “мутантно-го социализма” (под ним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы)”.

А. В. Бузгалин считает, что создал целую теоретическую категорию, объясняющую гибель советского строя. На деле взятая им из биологии ругательная метафора “мутант” бессодержательна и ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма. Если такое изменение наследуется и благоприятствует выживанию потомства, то эта полезная мутация оказывается важным механизмом эволюции. Если, как это делает А. В. Бузгалин, уподоблять общественный строй биологическому виду, то любое социальное жизнеустройство оказывается “мутантным” и иным быть не может.

Метафора неверна и потому, что мутация есть изменение чего-то, что уже существовало прежде как основа (“дикий вид”). Если бы в мире где-то существовал правильный социализм, а под воздействием Сталина из него возник казарменный социализм, исказивший исходный образец, то его еще можно было бы считать мутантом. Но никакого исходного социализма, от которого произошел советский строй, не существовало. И эту метафору профессор МГУ переносит из публикации в публикации уже двадцать лет.

Будем исходить из очевидной вещи: советский строй представлял собой жизнеустройство большой сложной страны – со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас видим, как ломают главные структуры этого строя и каков результат – в простых и жестких понятиях. Из всего этого и надо извлекать знание о советском строе и создавать его образ.

Кризис мировоззрения 1970–1980-х годов

Крах СССР поражает своей легкостью и внезапностью. Но эта легкость и внезапность кажущиеся. Кризис легитимности вызревал 30 лет. Он и стал необходимым и достаточным условием для того, чтобы антисоветские силы завоевали в 1980-е годы культурную гегемонию в среде интеллигенции, в том числе партийной.

Почему же, начиная с 1960-х годов, в советском обществе стало нарастать ощущение, что жизнь устроена неправильно? В чем причина усиливавшегося недовольства? Сегодня она видится так.

В 1960–1970-е годы советское общество изменилось кардинально. За предыдущие 30 лет произошла быстрая урбанизация, и 70% населения стали жить в городах. Под новыми объективными характеристиками советского общества 1970-х годов скрывалась главная, невидимая опасность – быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение прежней мировоззренческой основы советского строя. В то время официальное советское обществоведение утверждало (и большинство населения искренне так и считало), что этой основой является марксизм, оформивший в рациональных понятиях стихийные представления трудящихся о равенстве и справедливости. Эта установка была ошибочной.

Мировоззренческой основой советского строя был общинный крестьянский коммунизм. Западные философы иногда добавляли слово “архаический” и говорили, что он был “прикрыт тонкой пленкой европейских идей – марксизмом”. Это понимал и Ленин, примкнувший к общинному коммунизму, и марксисты-западники, которые видели в этом общинном коммунизме своего врага и пошли на гражданскую войну с ним в союзе с буржуазными либералами. Своим врагом его считали и большевики-космополиты, их течение внутри победившего большевизма было подавлено в последней битве гражданской войны – репрессиях 1937–1938 годов.

В 1960-е годы вышло на арену новое поколение последователей этих течений, и влияние его стало нарастать в среде интеллигенции и нового молодого поколения уже городского “среднего класса”. Поэтому перестройка – этап большой русской революции XX века, которая лишь на время была “заморожена” единством народа ради индустриализации и впоследствии – войны. Сознательный авангард перестройки – духовные наследники троцкизма и, в меньшей степени, либералов и меньшевиков. Сами они этого не осознавали и поначалу считали, что пытаются “улучшить систему”.

Общинный крестьянский коммунизм – большое культурное явление, поиск “царства Божия на земле”. Он придал советскому проекту мессианские черты, что, в частности, предопределило и культ Сталина, который являлся выразителем сути советского проекта в течение 30 лет. Кстати, антисоветский проект также имеет мессианские черты, и ненависть к Сталину носит иррациональный характер.

В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений философия крестьянского коммунизма теряла силу и к 1960-м годам исчерпала свой потенциал, хотя важнейшие ее положения сохраняются и поныне в коллективном бессознательном. Для консолидации советского общества и сохранения гегемонии политической системы требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект был бы изложен на рациональном языке, без апелляции к подспудному мессианскому чувству. Однако старики этой проблемы не видели, так как в них бессознательный большевизм был еще жив, а новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему (осознаваемую лишь интуитивно) в марксизме, где найти ответа не могло. Это вызвало идейный кризис в среде партийной интеллигенции.

Руководство КПСС после идейных и административных метаний Хрущева приняло вынужденное решение – “заморозить” мировоззренческий кризис посредством отступления к “псевдосталинизму” с некоторым закручиванием гаек (“период Суллова”). Это давало отсрочку, но не могло разрешить фундаментальное противоречие. Передышка не была использована для срочного анализа и модернизации мировоззренческой матрицы. Видимо, в нормальном режиме руководство КПСС уже и не смогло бы справиться с ситуацией. Для решения этой срочной задачи требовалась научная дискуссия; но если бы руководство ослабило контроль, то в дискуссии потерпело бы поражение – “второй эшелон” партийной интеллигенции (люди типа Бовина, Бурлацкого, Загладина) был уже проникнут идеями еврокоммунистов. В открытой дискуссии он подыгрывал бы антисоветской стороне, как это мы наблюдали в годы перестройки.

Пришедшая после Брежнева властная бригада (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе), сформировавшаяся в условиях мировоззренческого вакуума и идеологического застоя, была уже проникнута антисоветизмом.

Чем был легитимирован советский строй в массовом сознании старших поколений? Памятью о массовых социальных страданиях. Аристотель выделял два главных принципа жизнеустройства: минимизация страданий или максимизация наслаждений. Советский строй создавался поколениями, которые исходили из первого принципа.

В 1970-е годы основную активную часть общества составляло уже принципиально новое для СССР поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытавшие сами, но даже не видевшие зрелища массовых социальных страданий.

Запад – “общество двух третей”. Страдания бедной трети очень наглядны и сплывают “средний класс”. В этом смысле Запад поддерживает коллективную память о социальных страданиях, а СССР 1970-х годов эту память утратил. Молодежь уже не верила, что такие страдания вообще существуют.

Возникло первое в истории, неизвестное по своим свойствам сытое общество. О том, как оно себя поведет, не могли сказать ни интуиция и опыт стариков, ни тогдашние общественные науки. Вот урок: главные опасности ждут социализм не в периоды трудностей и нехватки, а именно тогда, когда сытое общество утрачивает память об этих трудностях. Абстрактное знание о них не действует.

Урбанизация создала и объективные предпосылки для недовольства советским жизнеустройством. Как известно, манипуляция сознанием опирается прежде всего на уже имеющиеся в общественном сознании стереотипы.

В психологической войне, направленной на разрушение общества, важнейшими из таких стереотипов являются те, в которых выражается недовольство¹.

Слабые места любого социального проекта возникают оттого, что он не удовлетворяет какие-то фундаментальные потребности значительных частей общества. Если обездоленных людей много и они сильны, проект под их давлением изменяется или, при достижении критического уровня, терпит крах. Кто и чем был обездолен в советском проекте? Откуда вырос советский проект и какие потребности он считал фундаментальными?

Он вырос прежде всего из мироощущения крестьянской России. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что – лишнее, суета сует. В ходе революции и разрухи этот проект стал суровым и зауженным. Носители “ненужных” потребностей были перебиты, уехали за рубеж или перевоспитались самой реальностью. На какое-то время в обществе возникло “единство в потребностях”.

По мере того как жизнь входила в мирную колею и становилась все более и более городской, узкий набор “признанных” потребностей стал ограничивать, а потом и угнетать все более и более разнообразные части общества. Для них Запад стал идеальной, сказочной землей, где именно их ущемленные потребности уважаются и даже ценятся. Дрейф к утопии “Запада” как устоявшегося порядка начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублен попыткой “стариков” подавить его негодными средствами. В 1980-е годы этот сдвиг уже шел под давлением идеологической машины КПСС. О тех потребностях, которые хорошо удовлетворял советский строй, в этот момент никто не думал. Когда ногу жмет ботинок, не думают о том, как хорошо греет пальто.

Эта слабость сознания – обратная сторона избыточного патернализма. Он ведет к инфантилизации общественного сознания в благополучный период жизни. Люди отучаются ценить блага, созданные усилиями предыдущих поколений, рассматривают эти блага как неуничтожаемые, “данные свыше”. Социальные условия воспринимаются как явления природы, как воздух, который не может исчезнуть. Они как будто не зависят от твоей общественной позиции.

Чем отличается крестьянская жизнь от городской? Тем, что она религиозна. А значит, земные потребности просты и естественны, зато они дополнены интенсивным “потреблением” духовных образов. Речь идет не о Церкви, а о космическом чувстве, способности видеть высший смысл во всех проявлениях Природы и человеческих отношений. Пахота, сев, уборка урожая, строительство дома и принятие пищи, рождение и смерть – все имеет у крестьянина литургическое значение. Его жизнь полна этим смыслом. Его потребности велики, но они удовлетворяются внешне малыми средствами.

Жизнь в большом городе лишает человека множества естественных средств удовлетворения его потребностей. И в то же время создает постоянный стресс. Этот стресс давит, компенсировать его – жизненная потребность человека². Как же ответил на потребность нового, городского общества советский строй? Большая часть потребности в образах была объявлена ненужной, а то и порочной. Это четко проявилось уже в 1950-е годы, в кампании борьбы со “стилягами”. Они возникли в самом зажиточном слое, что позволило объявить их просто исчадием номенклатурной касты. А речь шла о симптоме грядущего массового социального явления.

Предпосылки для узости советского проекта кроются и в крестьянском мышлении большевиков, и в тяжелых четырех десятилетиях, когда человека питали духовные, почти религиозные образы – долга, Родины. В 1950-е годы

¹ При этом неважно, какого рода это недовольство, так как его можно “канализировать” на любой объект. Оно может быть совершенно противоположно установкам манипулятора. Например, в ходе перестройки антисоветские идеологи в основном эксплуатировали недовольство людей, вызванное уклонением власти от советских идеалов.

² Кризис урбанизации тяжело переживался в период индустриализации всеми культурами. На Западе от него отвлекли резким неравенством и необходимостью борьбы за существование, а позже – созданием масс-культуры, дешевым массовым потребительством и суррогатами приключений. Массовая школа воспитывала большинство детей и подростков в мозаичной культуре, которая резко снижает духовные претензии человека.

даже некоторые преподаватели МГУ еще ходили в перешитых гимнастерках и сатиновых шароварах. У них не было потребности в джинсах, но через пять лет она возникла у студентов. Выход из этого состояния осуществили плохо. Не была определена сама проблема и ее критические состояния. В конце заговорили о “проблеме досуга”, но это не совсем то, да и дальше разговоров дело не пошло. Беда советского строя была даже не в том, что проблему плохо решали – ее игнорировали, а страдающих людей считали симулянтами и подвергали презрению. Так возникла и двойная мораль (сама-то номенклатура образы потребляла), и озлобление.

К проблеме голода на образы тесно примыкает другая объективная причина неосознанного недовольства жизнью в городском советском обществе, начиная с 1960-х годов – избыточная надежность социального уклада, его детерминированность. Порождаемая этим скука значительной части населения, особенно молодежи, – оборотная сторона высокой социальной защищенности, важнейшего достоинства советского строя. В СССР все хуже удовлетворялась одна из основных потребностей человека – потребность в неопределенности, в приключении.

У старших поколений с этим не было проблем – и смертельного риска, и приключений судьба им предоставила сверх меры. А что оставалось, начиная с 1960-х годов, всей массе молодежи, которая на своей шкуре не испытала ни войны, ни разрухи? БАМ, водка и преступность? Этого было мало. Риск и борьба возникали при трениях и столкновениях именно с бюрократией, с государством, что и создавало его образ как врага.

Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки в тот момент советский проект не предлагал. Более того, все говорило о том, что дальше будет еще скучнее. И тут речь идет не об ошибке Суслова или даже Ленина. Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, испытавших беду. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. На какое-то время в обществе возникло “единство в потребностях”. Но проект не отвечал запросам общества благополучного – общества, уже пережившего и забывшего беду.

Ошибка советского социализма в том, что он принял как догму убеждение, будто все люди мечтают быть творцами и рады предоставлению им такой возможности. Эта догма неверна дважды. Во-первых, далеко не все мечтают о творчестве, у многих эти мечты подавлены в детстве – родителями, детским садиком, школой. Во-вторых, значительная часть тех, кто мечтал, испытали неудачу при первой попытке и не смогли преодолеть психологический барьер, чтобы продолжить. Так и получилось, что основная масса людей не воспользовалась тем, что реально давал советский строй. Не то чтобы их оттеснили – их “не загнали” теми угрозами, которые на Западе заставляют человека напрягаться.

Надо признать как провал советского проекта то, что он оказался неспособным создать альтернативный буржуазному, не разъединяющий людей механизм вовлечения их в творчество. А значит, сделал неудовлетворенными массу людей. Можно не считать их мотивы уважительными, но ведь речь идет о страдающей части общества. Ведь советский строй не дал этой категории людей хотя бы того утешения, которое предусмотрительно дает Запад – потребительства.

На такое снижение запросов молодежи советское руководство не пошло, хотя в начале 1970-х годов подобные предложения, исходя из западного опыта, делались. Это решение не допустило снижения долговременной жизнеспособности нашего общества (на этом ресурсе постсоветские республики продержались в 1990-е годы); однако в краткосрочной перспективе СССР получил пару поколений молодежи, которые чувствовали себя обездоленными. Они были буквально очарованы перестройкой, гласностью, митингами и культурным плюрализмом. Прежнее руководство (да и старшие поколения советских людей) не понимали их страданий, вызванных неудовлетворенным “голодом на образы”.

Говорят, что массы “утратили веру в социализм”, что возобладали ценности капитализма (частная собственность, конкуренция, индивидуализм, нажива). Это мнение ошибочно. Очень небольшое число граждан сознатель-

но отвергали главные устои советского строя. Чаще всего они просто не понимали, о чем идет речь, и не обладали навыками и возможностями для самоорганизации. Отказ от штампов официальной советской идеологии вовсе не говорит о том, что произошли принципиальные изменения в глубинных слоях сознания (чаяниях).

Советский тип трудовых отношений воспринимался в массовом сознании как наилучший, а в ходе реформы стал даже более привлекательным. В среднем 84% опрошенных считали в 1989 году, что обязанностью правительства является обеспечение всех людей работой, а в ноябре 1991 года это убеждение, которое в антисоветской пропаганде было одним из главных объектов атаки, выразили более 90%.

Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран – СССР и Восточной Европы – является программа “Барометры новых демократий”. В России с 1993 года в рамках совместного исследовательского проекта “Новый российский барометр” работала большая группа зарубежных социологов.

В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 году говорилось: “В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе” [2]. Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии – 88% и на Украине – 90%. Эти установки устойчивы и подтверждаются поныне. Но они не воплотились в политическую волю и организацию.

Мировоззренческий кризис порождает кризис легитимности политической системы, а затем и кризис государства. Для крушения советского строя необходимым условием было состояние сознания, которое Андропов определил четко: “Мы не знаем общества, в котором живем”. Не знали – не могли и защитить. В 1970–1980-е годы это состояние ухудшалось: незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую у части элиты до степени паранойи.

Незнанием была вызвана и неспособность руководства выявить и предупредить назревающие в обществе противоречия, найти эффективные способы разрешения уже созревших проблем. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки действий по изменению общественного строя, а значит, и к неспособности защитить свои кровные интересы.

Уходило поколение руководителей партии, которое выросло в “гуще народной жизни”. Оно “знало общество” – не из учебников марксизма, а из личного опыта и опыта своих близких. Это знание в большой мере было неявным, неписанным, но оно было настолько близко и понятно людям этого и предыдущих поколений, что казалось очевидным и неустрашимым. Систематизировать и “записать” его казалось ненужным, к тому же те поколения жили и работали с большими перегрузками. Со временем, не отложившись в адекватной форме в текстах, это неявное знание стало труднодоступным.

Новое поколение номенклатуры в массе своей было детьми партийной интеллигенции первого поколения. Формальное знание вытеснило у них то неявное интуитивное знание о советском обществе, которое они еще могли получить в семье. Гуманитарная культура СССР не смогла в должной мере интегрироваться с социально-научной рациональностью.

Общественное сознание, построенное на истмате, представляет собой законченную конструкцию, которая очаровывает своей способностью сразу ответить на все вопросы, даже не вникая в суть конкретной проблемы. Это квазирелигиозное построение, которое освобождает человека от необходимости поиска других источников знания и выработки альтернатив решения.

Инерция развития, набранная советским обществом в 1930–1950-е годы, еще два десятилетия тащила страну вперед по накатанному пути. И партийная верхушка питала иллюзию, что она управляет этим процессом. В действительности те интеллектуальные инструменты, которыми ее снабдило общественное сознание, не позволяли даже увидеть процессы, происходящие в обществе. Тем более не позволяли их понять и овладеть ими.

Не в том проблема, какие ошибки допустило партийное руководство, а какие решения были правильными. Проблема состояла в том, что оно не обладало адекватными средствами познания реальности. Это как если бы полко-

водец, готовящий крупную военную операцию, вдруг обнаруживает, что его карта не соответствует местности, что это карта совсем другой страны.

Степень отрыва высшего слоя номенклатуры от реальности советского общества просто потрясала. Казалось иногда, что ты говоришь с инопланетянами: партийная интеллигенция верхнего уровня не знала и не понимала особенностей советского промышленного предприятия, колхоза, армии, школы. Начав в 1980-е годы их радикальную перестройку, партийное руководство подрезало у них жизненно важные устои, как если бы человек, не знающий анатомии, взялся делать сложную хирургическую операцию. Ситуацию держали кадры низшего звена. Как только Горбачев в 1989–1990 годы нанес удар по партийному аппарату и по системе хозяйственного управления, разрушение приобрело лавинообразный характер.

Важно и то, что учебники исторического материализма, по которым училась партийная интеллигенция с 1960-х годов (как и западная партийная интеллигенция), содержали скрытый, но мощный антисоветский потенциал. Люди, которые действительно глубоко изучали марксизм по этим учебникам, приходили к выводу, что советский строй неправильный. Радикальная часть интеллигенции уже в 1960-е годы открыто заявляла, что советский строй – не социализм, а искажение всей концепции Маркса.

Это вовсе не означало, что часть партийной интеллигенции “потеряла веру в социализм” или совершила предательство идеалов коммунизма. Даже напротив, критика советского строя велась с позиций марксизма и с искренним убеждением, что эта критика направлена на исправление дефектов советского строя, на приведение его в соответствие с верным учением Маркса. Но эта критика была для советского общества убийственной. Хотя надо признать, что и конструктивная критика “просоветской” части общества была применена во время перестройки в антисоветских целях. Избежать такого ее использования было практически невозможно.

Критика “из марксизма” разрушала легитимность советского строя, утверждая, что вместо него можно построить гораздо лучший строй – истинный социализм. А поскольку она велась на языке марксизма, оставшая часть интеллигенции, даже чувствуя глубинную ошибочность этой критики, не находила слов и логики, чтобы на нее ответить – у них не было другого языка.

Перестройка обнаружила важный факт: из нескольких десятков тысяч профессиональных марксистов, которые работали в СССР, большинство в начале 1990-х годов перешли на сторону антисоветских сил. Перешли легко, без всякой внутренней драмы. Всех этих людей невозможно считать аморальными. Значит, их профессиональное знание марксизма не препятствовало такому переходу, а способствовало ему. Они верно определили: советский строй был “неправильным” с точки зрения марксизма. Значит, надо вернуться в капитализм, исчерпать его потенциал для развития производительных сил, а затем принять участие в “правильной” пролетарской революции. Сейчас большинство их, видимо, разочаровались в этой догматической иллюзии, но дело сделано.

Русский философ В. В. Розанов сказал, что российскую монархию убила русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины. По аналогии можно сказать, что советский строй убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ.

Смена культурно-исторического типа СССР

Таким образом, предпосылкой краха СССР стал цивилизационный, мировоззренческий кризис. Суть его в том, что советское общество и государство не справились с задачей обновления средств легитимации общественного строя в процессе смены поколений, не смогли обеспечить преемственность в смене культурно-исторического типа, которая происходила в ходе модернизации и урбанизации и совпала с кризисом выхода общества из мобилизационного состояния 1920–1950-х годов.

Это особая тема, а здесь заметим следующее. Культурно-историческим типом Н. Я. Данилевский назвал воображаемую надклассовую и надэтническую социокультурную общность, которая в данный исторический период является носителем главных черт цивилизации. В моменты исторического выбора

и переходных процессов (включая кризисы, войны, революции) она является выразителем главного вектора развития. Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение сущность – народ, как бы воплощенный в обобщенном индивиде.

Исходя из опыта XX века, мы изменяем его концепцию и считаем, что цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы – даже вплоть до гражданской войны) нескольких культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится в конкретный период доминирующим и “представляет” в этот период цивилизацию.

Реформы Петра опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации в XVII веке и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX века вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных и социалистических ценностей. Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о “самобытности” российских либералов начала XX века писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 года. Но он был сметен гораздо более мощной волной советской революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который начал складываться задолго до 1917 года, но оформился уже после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда “выложены” в самой наглядной форме; культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были по рождению России.

Более половины XX века – самые трудные периоды – Россия (СССР) прошла, ведомая культурно-историческим типом “советский человек” (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада. Мы можем описать социальный портрет людей советского типа – с их культурой, ценностями, способностью к организации, к трудовым и творческим усилиям. Его символами стали такие монументы, как “Рабочий и колхозница” и памятник “Воину-освободителю” (Берлин).

Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, после Гражданской войны оказались “нейтрализованными”, подавленными или оттесненными в тень – последовательно одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал сдавать позиции и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, мещанством.

Видные западные советологи уже в 1950-е годы разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано.

Суть философии мещанства – “самодержавие собственности”. Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин – это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится “понизить личности”. Это – духовный вектор.

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был оттеснен на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, помещиков, купцов и фабрикантов), мещанство пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним

жизнью. Доведенные до крайности его установки были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, на переломе веков он стал едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов – все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство “пересидело”¹. Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, оно быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами – и стало повышать голос. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы – целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты культурной гегемонии советским типом – важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, приведем один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике когнитивной активности рабочих. В 1922 году продолжительность рабочего времени в СССР сократилась, по сравнению с 1913 годом, на 537 часов. Люди использовали появившееся у них свободное время первым делом на самообразование. Затраты времени на это выросли с 1923 года по 1930 год с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 1960-х годов начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 году 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 году таких было уже 5%, и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997/98 гг. таких осталось 2,3% [3].

К 1970-м годам мещанство сумело добиться культурной гегемонии над большей частью городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным “малым народом”, который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул ляжку. Никакой духовной обороны против него государство уже и не пыталось выстроить.

Советский тип сник в ходе мировоззренческого кризиса в 1970–1980-е годы, не смог организовать и проявить волю во время перестройки и был загнан в катакомбы. Но ни КПСС, ни ВЛКСМ, ни государство не смогли (и даже не попытались) заместить на общественной арене этот культурно-исторический тип родственным ему типом, который продолжил бы реализацию советского проекта. Напротив, на арену с помощью всех ресурсов власти и провластной интеллектуальной элиты вывели тип-антипод. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы “держат” страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. Он – молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа – стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповае на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо

¹ Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 1920-е гг. красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.

сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

Кризис рациональности

Кризис мировоззрения был использован и углублен действиями антисоветской части элиты. Культурная программа перестройки была жесткой, массовое сознание испытало шок. У людей была подорвана способность делать связные рациональные умозаключения, особенно с использованием абстрактных понятий. Они затруднялись рассчитать свой интерес и предвидеть опасности.

Функция предвидения, в том числе функция распознавания угроз, угасала в 1970-е годы. Так, не были правильно оценены сообщения о переносе направления ударов информационно-психологической войны против СССР с социальной сферы на этническую. Было проигнорировано обновление теоретической базы доктрины этой войны – принятие за основу теории Грамши о культурной гегемонии. Можно сказать, что речь шла о смене парадигмы холодной войны, а в СССР доктрина обороны осталась неизменной.

Не последовало никакой реакции на создание в США политических технологий постмодерна, использующих новаторский опыт фашизма и “молодежных бунтов” 1960-х годов. Соответственно, СССР не смог адекватно ответить на вызов польской “Солидарности”, которая была мотивирована именно коммунистическим фундаментализмом, но использована против СССР. Советская цивилизация утрачивала жизнеспособность.

К концу XX века наше общество, в массе своей, утратило навык предвидения угроз. Даже предчувствия исчезли. Это было признаком назревания большого кризиса, а потом стало причиной его углубления и затягивания. Не чувствуешь опасности – попадешь в беду.

Уже с начала перестройки специалисты фиксировали это странное изменение в сознании людей – на время в обиход вошёл даже термин “синдром самоубийцы”. Операторы больших технических систем совершали целую цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот на шахте в Донбассе произошел взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Вместо того чтобы устранить неисправность, его просто отключили. Не помогло, сигналы продолжали беспокоить – и тогда последовательно отключили 23 анализирующих и сигнализирующих устройства.

В конце 1980-х годов положение ухудшилось, пренебрежение опасностями стало принимать патологический характер. Так, на трубопроводах – транспортной системе повышенной опасности – были повсеместно устранены обходчики. Между тем присутствие хотя бы по одному обходчику даже на больших участках трассы предотвратило бы тяжелую аварию лета 1989 года в Башкирии. То же происходило и на железной дороге – резкое сокращение работ по осмотру пути и подвижного состава привело к росту числа крушений и аварий, включая катастрофические, в том числе при перевозке особо опасных грузов.

Но признаком общей беды это стало потому, что так вели себя люди в самых разных делах. Среди бела дня, при полной видимости немыслимым образом сталкивались два корабля, которые вели опытные капитаны. Точно так же была исключена проблема угроз и рисков из обсуждения программы реформ. Навык их предвидения сумели изъять и из массового сознания. Да, подавляющее большинство граждан с самого начала не верило, что приватизация будет благом для страны и для них лично. Но 64% опрошенных ответили: “Эта мера ничего не изменит в положении людей”.

Это – признак глубокого повреждения в сознании. Как может приватизация всей промышленности – и прежде всего практически **всех рабочих мест** – ничего не изменить в положении людей! Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации!

Кто несет ответственность за деградацию этой защитной функции? Надо признать, что Сталин и руководимая им команда эту функцию в течение своего “отчетного периода”, в общем, выполнили успешно, что и показала Великая Отечественная война. Дальше – возникла неопределенность. В новых ус-

ловиях со сменой поколений старые методы быстро теряли эффективность. Общество вступило в новый этап, а руководство не смогло выработать адекватной доктрины и создать адекватные новым угрозам средства защиты. Старая интеллектуальная элита КПСС и советского государства (представленная Сусловым) оказалась несостоятельной. А новая – сама стала источником угроз.

Почему эрозия мировоззренческой матрицы советского строя не вызвала эффективных действий руководства государства и КПСС, пока доминирующие позиции не заняли функционеры “поколения Горбачева”? Можно утверждать, что они с их когнитивной структурой – типом знания и методологическими навыками – были не на высоте этой задачи, как генералы бывают не на высоте задач войны нового поколения. Их образование, относящееся к данной проблеме, ограничивалось историческим материализмом, проникнутым механистическим детерминизмом. Понимание тех процессов, которые переживало советское общество, требовало как минимум освоения представлений о культурной гегемонии, развить А. Грамши. Но эти представления были отвергнуты официальным советским обществоведением, их освоила именно антисоветская часть сообщества гуманитарных специалистов.

Мышление старого поколения советской политической элиты, как и обыденное сознание советского человека, было проникнуто эссенциализмом, верой в неизменность (или хотя бы высокую устойчивость) некоторых сущностей и качеств, присущих общественному сознанию.

Подавляющему большинству советских людей казалось, что заданные культурой качества человека очень устойчивы, что в них есть как будто данное нам свыше жесткое ядро. Специально об этом не думали, а оказалось, что оно подвижно и поддается воздействию образа жизни, образования, телевидения. Культура – это огромная машина, которая чеканит нас в основном по чертежу, заложенному в нее сильными мира сего. Мы, конечно, сопротивляемся, подправляем чертеж, изменяем чеканку своей низовой культурой. Но диапазон воздействий широк, возможностей уклониться от них часто не хватает.

В массе своей советские люди исходили из того представления о человеке, которым был проникнут общинный крестьянский коммунизм как версия “народного православия”. Они считали, что человеку изначально присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу. Как говорилось, таков уж его “национальный характер”. А поскольку все эти качества считались сущностью национального характера, данной человеку изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно. Была такая неосознанная уверенность.

Эта вера породила ошибочную, в важной своей части, антропологическую модель, положенную в основание советского жизнеустройства. Устои русского народа и братских народов России, которые были присущи им в период становления советского строя, были приняты за их природные свойства. Считалось, что их надо лишь очищать от “родимых пятен капитализма”. Задача воспроизводства этих устоев в меняющихся условиях (особенно в обстановке холодной войны) не только не ставилась, но и отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев! А ведь это воспроизводство надо было вести в принципиально новых условиях конца XX века, оно требовало гибкости и адаптивности, регулярного “ремонта” и “модернизации”.

Эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы народа хватило в СССР на 4–5 поколений. Люди пятидесятых годов рождения вырастали в новых условиях, их культура формировалась под влиянием мощного потока образов и соблазнов, идущих с Запада. Если бы советское общество исходило из реалистичной антропологической модели, то за 1950–1960-е годы в принципе можно было выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям. А значит, Россия преодолела бы кризис и продолжила развитие в качестве независимой страны на собственной исторической траектории культуры.

С этой задачей советское общество не справилось. Оно потерпело поражение и сдало страну “новым русским”. Надо признать, что для этого были предпосылки, которые корнями уходят в XIX век; они определены тем влиянием, которое оказал на русскую интеллигенцию романтизм классической немецкой философии. В советское время это влияние было закреплено марк-

сизмом. Требовалось кардинальное обновление познавательного аппарата, но этого не произошло.

В 1970–1980-е годы большинство населения обрело тип жизни “среднего класса”. В массовом сознании стал происходить сдвиг от советского коммунизма к социал-демократии, а потом и к либерализму. В культуре интеллигенции возник компонент социал-дарвинизма и соблазн выиграть в конкуренции. Из интеллигенции социал-дарвинизм стал просачиваться в массовое сознание. Право на жизнь (например, в виде права на труд и на жилье) начали ставить под сомнение – сначала неявно, а потом все более громко. Положение изменилось кардинально в конце 1980-х годов, когда это отрицание стало основой официальной идеологии.

Перестройка

Выход из “сталинизма” в 1950-е годы оказался сложной проблемой – как и вообще выход из мобилизационного состояния. Она была решена руководством СССР плохо и привела к череде политических кризисов. Профессор МГУ А. П. Бутенко, занявший радикальную антисоветскую позицию, пишет о реформах Хрущева: “Антисталинизм – главная идея, мобилизационный стяг, использованный Хрущевым в борьбе с тоталитаризмом. Такой подход открывал определенный простор для борьбы против основ существующего социализма, против антидемократических структур тоталитарного типа, но его было совершенно недостаточно, чтобы разрушить все тоталитарные устои”.

Удар “по основам” был нанесен тяжелый, а ресурсов знания для рационального ответа не хватило.

Вспомним недалекую историю. 1960-е годы для СССР были очень сложным периодом. Общество переживало кризис урбанизации – большинство населения за очень короткий срок стало городскими жителями. Люди переезжали в города, резко меняли образ жизни, приспосабливались к другому производству и быту, другому пространству. Массы людей испытывали тяжелый стресс, одновременно происходила смена поколений. Общество быстро менялось и усложнялось, эти процессы надо было быстро изучать, находить новые социальные формы, чтобы снизить издержки трансформации. Но обществоведение методологически не было готово к решению этих задач, и страна скользила к обширному кризису, который превратился в системный.

Переломным стал момент, когда авангард инакомыслящей интеллигенции заключил союз с противником СССР в холодной войне и начал выполнять функции “пятой колонны” внутри советского общества. Эволюция установок этой части антисоветской интеллигенции хорошо прослеживается в текстах А. Д. Сахарова.

В 1968 году Сахаров мечтает о конвергенции социализма с капитализмом и пишет о войне США в Индокитае: “Во Вьетнаме силы реакции... нарушают все правовые и моральные нормы, совершают вопиющие преступления против человечности. Целый народ приносится в жертву предполагаемой задаче остановки “коммунистического потопа”” [4, с. 17].

В 1975 году он уже пишет о “героизме американских моряков и летчиков” и упрекает Запад в том, что тот плохо помогал США воевать во Вьетнаме. По его мнению, требовалось вот что: “Политическое давление на СССР с целью не допустить поставок оружия Северному Вьетнаму, своевременная посылка мощного экспедиционного корпуса, привлечение ООН, более эффективная экономическая помощь, привлечение других азиатских и европейских стран” [4, с. 131].

Сахаров переживает за США, которым пришлось в одиночку выдержать столь тяжелую войну: “Очень велика ответственность других стран Запада, Японии и стран “третьего мира”, никак не поддержавших своего союзника, оказывающего им огромную помощь в трудной, почти безнадежной попытке противостоять тоталитарной угрозе в Юго-Восточной Азии” [4, с. 132].

В 1968 году Сахаров так пишет об СССР: “Как показывает история, при обороне Родины, ее великих социальных и культурных завоеваний наш народ и его вооруженные силы едины и непобедимы” [4, с. 20]. В 1975 году он пишет “о многих тревожных и трагических фактах современного международного положения, свидетельствующих о существенной слабости и дезорганизован-

ности перед лицом тоталитарного вызова... Единство требует лидера, таким по праву и по тяжелой обязанности является самая мощная в экономическом, технологическом и военном отношении из стран Запада — США» [4, с. 146].

Если учесть, каким авторитетом обладал А. Д. Сахаров среди западной интеллигенции, то можно считать, что с середины 1970-х годов в этой части общества отношение к США как внешнему союзнику в борьбе с советским строем сменилось чувством идентификации с США как цивилизационным лидером. Отношения союзника сменились отношениями подданного, влиятельная часть общества стала патриотами США, а не СССР (России).

Обострение кризиса произошло в 1980-е годы, когда к власти пришли люди нового поколения и нового культурного типа. Начали рушиться скрепы, которые соединяли общество в 1970-е годы. Важные структуры советского строя не выдержали, произошел срыв, с которым руководство не справилось и своими действиями усугубило ситуацию.

В советском обществе в 1960-х годов вновь оживился проект, альтернативный советскому, который раньше был «заморожен» во время войны. Основания для этого проекта имелись в русской культуре с середины XIX века — как в течении либералов-западников, так и ортодоксальных марксистов. Эти основания были обновлены и развиты «шестидесятниками» в годы «оттепели Хрущева», а затем и течениями диссидентов — социалистами-западниками (Сахаров), консервативными «почвенниками» (Солженицын) и патриотами-националистами (Шафаревич). В 1970-е годы была определена технология антисоветской борьбы на новом этапе, основанная на теории революции Антонио Грамши — подрыв культурной гегемонии советского строя силами интеллигенции через «молекулярную агрессию» в сознание.

Элита интеллигенции, в том числе партийной («номенклатура» КПСС), прошла примерно тот же путь, что и западные левые. Еврокоммунисты (руководство трех главных коммунистических партий Запада — итальянской, французской и испанской), осознав невозможность переноса советского проекта на Запад ввиду их цивилизационной несовместимости, совершили историческую ошибку: заняв антисоветскую позицию, они отвергали советский строй и в самом СССР. Это привело к краху их партий. Наши партийные интеллигенты, осознав необходимость преодоления «первого» советского проекта (как дети преодолевают отцов), также в основном заняли антисоветскую позицию.

Утверждение, что советский строй является «неправильным», стало с 1986 года официальной установкой. В кругах интеллигенции стали ходить цитаты Маркса такого рода: «Первое положительное упреждение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности».

Эта изощренная конструкция была квинтэссенцией антисоветского кредо меньшевиков в 1917–1921 годы и команды Горбачева в конце XX века. Согласно идеологии перестройки, советский коммунизм был выражением зависти и жажды нивелирования, он отрицал личность человека и весь мир культуры и цивилизации, он возвращал нас к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не дорос еще до частной собственности.

Антисоветским идеологам не пришлось ничего изобретать, все главные тезисы они взяли у Маркса почти буквально. Более того, даже сегодня ортодоксальные марксисты опираются на концепцию «грубого уравнилного коммунизма» в своем отрицании советского строя. Вновь стал муссироваться и старый тезис о «неправильности» русской революции «в одной стране», тем более «отсталой».

Постепенно антисоветский проект укреплялся, накапливал силы. Здесь обнаружилась несостоятельность советского обществоведения, которое не смогло ни объяснить причин социального недомогания, ни предупредить о грядущем кризисе. Эта беспомощность была такой неожиданной, что многие видели в ней злой умысел, даже обман и предательство. Конечно, был и умысел — против СССР велась холодная война, геополитический противник ставил целью уничтожение СССР и всеми средствами способствовал возникновению кризиса в стране. Но наш предмет — то общее непонимание происходящих процессов, которое парализовало защитные силы советского государственного и общественного организма.

На первом этапе перестройки критика советского строя велась под лозунгами “Больше социализма!” и “поворота к Ленину”. Это, в общем, было принято за чистую монету и вызвало энтузиазм у населения. Точно оценить искренность этих исходных установок идеологов перестройки трудно.

Позже А. Н. Яковлев писал: “После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычлнить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционризму вообще” [5].

Конечно, эти откровения “архитектора перестройки”, который удачно спрыгнул с тонущего корабля и всплыл как видный деятель режима Ельцина, принимать за чистую монету тоже нельзя. Но быстрый дрейф этой прослойки номенклатуры КПСС в лагерь противника – факт. Удивительно быстро идеологическая машина КПСС, абсолютно подчиненная высшему руководству партии, перешла к открытым боевым действиям против СССР. Уже в 1988 году был “открыт кран” для потока антисоветских публикаций и стал сокращаться и фильтроваться поток публикаций с положительными оценками и даже с конструктивной критикой советского строя¹.

Любое явление советской жизни, которое квалифицировалось антисоветской элитой как отрицательное, доводилось и доводится в его отрицании до высшей градации абсолютного зла². У людей, которых в течение многих лет бомбардируют такими утверждениями, разрушается способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности.

В марте 1990 года академик Т. И. Заславская, советник М. С. Горбачева и глава советской социологии, представила на обсуждение в АН СССР программный доклад под названием “Социализм, перестройка и общественное мнение”. Доклад стал подведением итогов перестройки в оценке ведущего социолога, непосредственно отвечавшего за ее “научное сопровождение”. В своем докладе Т. И. Заславская, в частности, заявила:

“Политически советское общество было и остается тоталитарным... Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой... .

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише “трудящиеся”. С моей точки зрения, “трудящиеся” составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты... .

Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов –

¹ Этот процесс был начат уже в 1986–1987 гг. Зам. главного редактора журнала “Социологические исследования” Г. С. Батыгин писал позже: “В 1987 г. Главлит потребовал снять из статьи, предназначенной для опубликования в журнале “Социологические исследования”, тезис о неэффективности свободного рынка в высокоорганизованной экономике. Это означало, что идея централизованного социалистического планирования уже не соответствовала цензурным требованиям” [6].

² К числу отрицательных явлений были отнесены те стороны советской жизни, которые традиционно приветствовались демократами и гуманистами – высокий уровень социальной защиты, доступность образования и здравоохранения, реальное право на труд, низкий уровень преступности и пр. Инверсия оценки этих сторон жизни вызвала культурное потрясение.

люмпенизированы, то есть отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей...

Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 1930-х годов и резко углубившееся к 1980-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер...

Больное, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагало сделать здоровым и социально справедливым. Но идея социального возрождения могла сплотить только прогрессивные силы, заинтересованные в оздоровлении общества... Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную "плату" за приобретение к общечеловеческим ценностям...

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы в целях ее замены более эффективной системой "социального капитализма", сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся...

Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и "социализированному" капитализму" [1].

В этом докладе даны квалификации советскому строю – не в период сталинизма, а именно в 1990 году, – которые прямо обязывали каждого "честного человека" начать непримиримую борьбу против СССР. Сказано, что "политически советское общество (больное, прогнившее) остается тоталитарным". Следовательно, демократизации оно не поддается, политическую систему надо менять. "Социальное противостояние классов носит антагонистический характер", – значит, общественный диалог и компромиссы невозможны, "демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы" является "единственно разумной политикой". Советская система – "самый негуманный и антисоциалистический капитализм в мире", и ее надо заменить "цивилизованным капитализмом".

Ясно, что этот доклад, зачитанный в АН СССР в марте 1990 года, вынашивался как минимум с начала 1989 года. В нем выражена согласованная позиция той части верхушки КПСС, которую называли "прорабами перестройки".

Сошлемся и на такое откровение А. Н. Яковлева: "Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен – лукавил не раз. Говорил про "обновление социализма", а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство – моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года, т. е. в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать" [7]. Да, в 1985 году "кончать с советским строем" было рано, идеологическая обработка населения заняла 7 лет.

В 1988 году появились первые массовые политические организации с антисоветскими и антисоюзными платформами – "народные фронты" в республиках Прибалтики. Они возникли при поддержке руководства ЦК КПСС и вначале декларировали цель защиты "гласности", постепенно, но достаточно быстро переходя к лозунгам сначала экономического ("республиканский хозрасчет"), а потом и политического сепаратизма.

Антисоветская оппозиция на I Съезде народных депутатов СССР организационно оформилась как Межрегиональная депутатская группа, программа которой была изложена в "Тезисах к платформе МДГ" в сентябре 1989 года. МДГ сразу стала использовать "антиимперскую" риторику и вступила в союз с лидерами сепаратистов. Два главных требования МДГ сыграли большую роль в дальнейшем процессе – отмена 6-й статьи Конституции СССР (о "руководящей роли КПСС") и легализация забастовок. Был также выдвинут лозунг "Вся власть Советам!" как средство подрыва гегемонии КПСС (впоследствии Советы были объявлены прибежищем партократов и стали ликвидироваться). Вопрос об отмене 6-й статьи не был включен в повестку дня II Съезда народных депутатов СССР Верховным Советом СССР (не хватило нескольких голо-

сов). Перед открытием Съезда 12 декабря 1989 года МДГ обратилась с призывом ко всеобщей политической забастовке в поддержку требований об отмене 6-й статьи. Но большинство на Съезде также отказалось включить вопрос в повестку дня.

На III Съезд сама КПСС, согласно решению состоявшегося накануне Пленума ЦК КПСС, внесла “в порядке законодательной инициативы” проект “Закона СССР об изменениях и дополнениях Конституции СССР по вопросам политической системы (статьи 6 и 7 Конституции СССР)”. Отмена 6-й статьи была “упакована” в один пакет с необычным изменением (введением поста Президента). “Послушное большинство” приняло этот закон; правовая основа, на которую опиралась руководящая роль КПСС, была устранена, что вынуло стержень из всей политической системы государства.

Президент СССР (бывший одновременно Генеральным секретарем КПСС) вышел из-под контроля партии. Её Политбюро и ЦК были сразу практически отстранены от участия в выработке решений. Упразднение в 1989 году номенклатуры вместе с лишением КПСС правовых оснований для влияния на кадровую политику освободило от контроля партии республиканские и местные элиты. Государственный аппарат превратился в сложный конгломерат сотрудничающих или противоборствующих групп и кланов.

Легализация забастовок дала мощное средство шантажа союзной власти и поддержки политических требований антисоветской оппозиции – лидеры МДГ прямо призывали шахтеров Кузбасса бастовать, и эти забастовки сыграли большую роль в подрыве государства.

В январе 1990 года было создано радикальное движение “Демократическая Россия” (“демократы”), которое положило в основу своей идеологии антикоммунизм. Другим типом антисоветских движений были возникающие националистические организации, которые готовили почву для конфликта как с союзным Центром, так и с национальными меньшинствами внутри республик.

Консервативная оппозиция ни в органах власти, ни в КПСС организовать не смогла. Те народные депутаты, которые были не согласны с изменениями (“агрессивно-послушное большинство”), образовали рыхлую группу “Союз”. Она, однако, не выработала ни платформы, ни программы действий, выражалась туманными намеками. Воспитанные в советской системе люди не могли перейти психологический барьер и открыто выступить против руководства КПСС.

С первых лет перестройки велась жесткая идеологическая кампания против КГБ, МВД и армии как систем, обеспечивающих безопасность государства и общественного строя. Считая их личный состав наиболее консервативной частью советского государства, идеологи перестройки стремились организационно и психологически разоружить эти структуры. Велась работа по разрушению положительного образа всех вооруженных сил в общественном сознании и по подрыву самоуважения офицерского корпуса. Военное руководство было отстранено от участия в решении важнейших военно-политических вопросов. Так, поразившее весь мир заявление М. С. Горбачева 15 января 1986 года о программе полного ядерного разоружения СССР в течение 15 лет было неожиданностью для военных.

Были спровоцированы (с участием преступного мира и западных спецслужб) очаги насилия под этническими лозунгами. Во время вспышек насилия в Ферганской долине, Сумгаите, Нагорном Карабахе армия и правоохранительные органы сначала предпринимали попытки пресечь действия провокаторов и преступников – и тут же из Москвы поступала команда отступить – “Нельзя применять силу против своего народа!”. Насилие вспыхивало с удвоенной силой, а государство, не выполнив своей обязанности, теряло авторитет. При этом в Москве проводились демонстрации против “преступных действий военщины”.

А. А. Собчак писал: “За десятилетия сталинизма глубоко укоренились в нашем общественном сознании антигуманные представления о безусловном приоритете ложно понимаемых государственных интересов над общечеловеческими ценностями. . . Необходим общий законодательный запрет на использование армии для разрешения внутривнутриполитических, этнических и территориальных конфликтов и столкновений”.

Одной из крупных провокаций против армии стали события в Тбилиси 9 апреля 1989 года, их расследование депутатской комиссией под председа-

тельством А. А. Собчака и обсуждение его доклада на I Съезде народных депутатов. Этой теме посвящена обширная документальная и аналитическая литература. В ходе этой операции и была сформулирована концепция преступных приказов и преступных действий военнослужащих, которые выполняют эти приказы. К созданию этой концепции были привлечены очень большие политические силы, действия которых в нормальной ситуации следовало бы считать противозаконными. Например, СМИ широко транслировали “доклад Собчака”, но не было опубликовано заключение Главной военной прокуратуры, которая проводила расследование тех событий по своей линии.

Так, “комиссия Собчака” сделала ложные выводы о том, что причиной смерти погибших при разгоне митинга людей стали ранения, нанесенные саперными лопатками, и воздействие отравляющих веществ. Следствие опровергло эти выводы на основании экспертизы внутренних органов и одежды погибших. В проведении экспертизы участвовали эксперты ООН.

Не было ни ранений саперными лопатками, ни воздействия ОВ. 18 человек погибли в давке, один “погиб от сильного удара о плоский предмет. Этот боевик-каратист намеревался в прыжке обеими ногами пробить цепь солдат. Но цепь расступилась и нападавший упал, получив смертельное ранение головы”. Доклад следствия не был доведен до сведения общественности, и до сих пор источником массовой информации остается “доклад Собчака”.

После событий в Тбилиси началось интенсивное внушение приоритета демократических идеалов перед воинской дисциплиной, велась идеологическая кампания, внедряющая мысль, что солдат не должен выполнять приказы, идущие вразрез с “общечеловеческими ценностями”. Так происходил подрыв монополии государства на насилие, вследствие чего началась криминализация насилия, стирание грани между насилием легитимным и преступным.

В 1989 году на вооружение милиции была принята резиновая дубинка, что имело большое символическое значение. В 1989–1991 годы произошло внешне малозаметное, но важное изменение во всех правоохранительных органах (МВД, КГБ, суда и прокуратуры) – уход большей части квалифицированных кадров. К этому побуждали две причины: сильное давление прессы, которая дискредитировала эти органы, и быстрое понижение зарплаты, которое в этих органах тогда было невозможно компенсировать побочными заработками.

В годы перестройки началось создание целой индустрии, производящей особый культурный продукт – поток “сообщений”, в совокупности очерняющих все стороны Великой Отечественной войны как системы. Поскольку эта война была беспристрастным, абсолютным экзаменом для всех главных систем советского строя, лишение ее авторитета в массовом сознании обрушило психологические защиты против антисоветской пропаганды даже самого оголтелого и примитивного толка. Публиковались не только “художественные” произведения, разрушающие образ войны, но и “документальные” фальшивки.

Вот показательный случай. В 1950 году в ФРГ вышла книжка “Последние письма из Сталинграда” с 39-ю письмами немецких солдат из окружения. Она стала бестселлером и была переведена на многие языки. Вскоре, однако, выяснилось, что все эти письма – фальсификация. Их автором оказался военный корреспондент Хайнц Шретер, получивший задание Геббельса сделать книгу о доблести германских войск в Сталинграде. Она не была опубликована – показалась Геббельсу недостаточно героической. Разоблачение было громким, но в 1990 году эту стряпню издал журнал “Знамя” [8].

Было проведено радикальное изменение всей структуры управления. За один год в отраслях было полностью ликвидировано среднее звено управления с переходом к двухзвенной системе “министерство–завод”. В центральных органах управления СССР и республик было сокращено 593 тыс. работников, из них только в Москве – 81 тыс. Прямым результатом этой акции стало разрушение информационной системы народного хозяйства.

Поскольку компьютерной сети накопления, хранения и распространения информации в СССР еще не было создано, опытные кадры с их документацией являлись главными элементами системы. Когда эти люди были уволены, а их тетради и картотеки свалены в кладовки, потоки информации оказались блокированы. Это стало одной из важных причин разрухи. Фактически, начиная с осени 1986 года, центральный аппарат управления хозяйством стал недееспособен.

Разрушение финансовой системы и потребительского рынка

Декларированная цель реформы, начатой в 1988 году, – превращение советского хозяйства в рыночную экономику. Фактически это был способ разрушения советской хозяйственной системы. В ходе этого эксперимента получен большой запас нового знания в области экономической теории. Именно когда ломают какой-то объект, можно узнать его внутреннее устройство и получить фундаментальное знание.

Разрушение финансовой системы и потребительского рынка в 1988–1990 годы вызвало шок, который и использовали политики для уничтожения СССР. Кризис был создан при демонтаже советской системы, а не унаследован от СССР.

В советском государстве действовала особая финансовая система из двух “контуров”. В производстве обращались безналичные (в известном смысле “фиктивные”) деньги, количество которых определялось межотраслевым балансом и которые погашались взаимозачетами. По сути, в СССР отсутствовал финансовый капитал и ссудный процент (деньги не продавались). На рынке потребительских товаров обращались нормальные деньги, получаемые населением в виде зарплаты, пенсий и т. д. Их количество строго регулировалось в соответствии с массой наличных товаров и услуг. Это позволяло поддерживать низкие цены и не допускать инфляции. Такая система могла действовать при жестком запрете на смешение двух контуров (перевода безналичных денег в наличные).

Второй особенностью была принципиальная неконвертируемость рубля. Масштаб цен в СССР был совсем иным, нежели на мировом рынке, и рубль мог циркулировать лишь внутри страны (это была “квитанция”, по которой каждый гражданин получал свои дивиденды от общенародной собственности – в форме низких цен). Поэтому контур наличных денег должен был быть строго закрыт по отношению к внешнему рынку государственной монополией внешней торговли. Либерализация финансовой системы и рынка в СССР могла быть проведена лишь после приведения цен и зарплат в соответствие с мировыми.

В 1988–1989 годы оба контура финансовой системы СССР были раскрыты. Прежде всего была отменена монополия внешней торговли. С 1 января 1987 года право непосредственно проводить экспортно-импортные операции было дано 20-ти министерствам и 70-ти крупным предприятиям. Через год были ликвидированы Министерство внешней торговли и ГКЭС (Государственный комитет по экономическим связям) СССР и учреждено Министерство внешнеэкономических связей СССР, которое теперь лишь “регистривало предприятия, кооперативы и иные организации, ведущие экспортно-импортные операции”. Законом 1990 года право внешней торговли было предоставлено и местным Советам.

Согласно “Закону о кооперативах” (1988 г.), при государственных предприятиях и местных Советах быстро возникла сеть кооперативов и совместных предприятий, занятых вывозом товаров за рубеж, что резко сократило поступление на внутренний рынок. Многие товары при спекуляции давали выручку до 50 долларов на 1 рубль затрат и покупались у предприятий “на корню”.

Следующим шагом, через “Закон о государственном предприятии (объединении)” (1987 г.), был вскрыт контур безналичных денег – было разрешено их превращение в наличные. Это стало первым шагом к приватизации банковской системы СССР. В большой мере эта работа была поручена комсомольским деятелям. Созданные тогда “центры научно-технического творчества молодежи” (ЦНТТМ), курируемые ЦК ВЛКСМ, получили эксклюзивное право на обналичивание безналичных денег (ЦНТТМ называли “локомотивами инфляции”).

При плановой системе поддерживалось такое распределение прибыли предприятий (для примера взят 1985 г.): 56% вносится в бюджет государства, 40% оставляется предприятию, в том числе 16% идет в фонды экономического стимулирования (премии, надбавки и т. д.). В 1990 году из прибыли предприятий в бюджет было внесено 36%, оставлено предприятиям – 51%, в том числе в фонды экономического стимулирования – 48%. Таким образом, не только резко были сокращены взносы в бюджет, но и на развитие предприятий средств почти не оставлялось. При этом сразу было нарушено социальное равновесие, так как личные доходы работников стали зависеть от ис-

кусственного показателя рентабельности: в легкой промышленности она составляла в 1990 году 32%, а в топливно-энергетическом комплексе — 6,1%.

Произошел скачкообразный рост личных доходов вне связи с производством. Ежегодный прирост денежных доходов населения в СССР составил в 1981–1987 годы, в среднем 15,7 млрд руб., а в 1988–1990 годы — 66,7 млрд руб. В 1991 году лишь за первое полугодие денежные доходы населения выросли на 95 млрд руб. **Такой рост доходов при одновременном сокращении товарных запасов в торговле привел к краху потребительского рынка (“товары сдуло с полок”)! Был резко увеличен импорт.** До 1989 года СССР имел стабильное положительное сальдо во внешней торговле, а в 1990 году отрицательное сальдо составило 10 млрд руб.

Оттянуть развязку правительство пыталось за счет дефицита госбюджета, внутреннего долга и продажи валютных запасов. Государственный внутренний долг СССР возростал следующим образом: 1985 год — 142 млрд руб. (18,2% ВВП); 1989 год — 399 млрд руб. (41,3% ВВП); 1990 год — 566 млрд руб. (56,6% ВВП); за 9 месяцев 1991 года он составил 890 млрд руб. Золотой запас, который в начале перестройки составлял 2 000 т, в 1991 году снизился до 200 т. Внешний долг, который практически отсутствовал в 1985 году, в 1991 году составил около 120 млрд долл. Был открыт путь к неконтролируемому росту цен, снижению реальных доходов населения и инфляции. Государство лишалось экономической основы для выполнения своих обязательств перед гражданами, в частности пенсионерами.

В соответствии с концепцией перестройки как перехода к рыночной экономике стала свертываться плановая система распределения ресурсов, взамен создавалась сеть товарных и сырьевых бирж. В 1991 году был ликвидирован Госнаб СССР. Нарушился межотраслевой баланс, были свернуты все государственные программы и начался быстрый спад производства. СССР погрузился в состояние “без плана и без рынка”.

В “Программе совместных действий Кабинета министров СССР и правительств суверенных республик...” (10 июля 1991 г.) было сказано: “Социально-экономическое положение в стране крайне обострилось. Спад производства охватил практически все отрасли народного хозяйства. В кризисном состоянии находится финансово-кредитная система. Дезорганизован потребительский рынок, повсеместно ощущается нехватка продовольствия, значительно ухудшились условия жизни населения. Кризисная обстановка требует принятия экстренных мер с тем, чтобы в течение года добиться *предотвращения разрушения народного хозяйства страны*”. (Курсив мой. — Авт.)

В мае 1991 года был представлен проект закона “О разгосударствлении и приватизации промышленных предприятий”. Готовился он в закрытом порядке, все попытки организовать обсуждение в печати или хотя бы в руководящих органах КПСС были блокированы (этого не могли добиться даже консервативные члены Политбюро). На заседании Комитета по экономической реформе ВС СССР, где обсуждался законопроект перед вынесением на голосование в ВС, не были заслушаны даже эксперты, которым премьер-министр поручил анализ проекта. Уже действовало “революционное право”.

В июне 1990 года I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о суверенитете. Она декларировала раздел общенародного достояния СССР и верховенство республиканских законов над законами СССР. Это был первый правовой акт, означавший начало ликвидации Союза. Декларации о суверенитете приняли союзные и некоторые автономные республики. Они содержали официальную установку на создание этнических государств, то есть на законодательное оформление отказа от государства советского типа (“республики трудящихся”).

Перестройка поначалу была с энтузиазмом поддержана обществом потому, что оно “переросло” политическую структуру, созданную на первом этапе советского строя. Вынужденное создание в 1920-е годы закрытого правящего слоя (“номенклатуры”) породило, как и предвидели Ленин и Сталин, рецидив сословных отношений. Однако произошел срыв, и процессом овладела именно часть “номенклатуры”, получившая шанс превратиться в собственников национального богатства.

Вслед за развалом СССР и сломом хозяйственной системы (“приватизация”) последовал катастрофический кризис. Все большие технические системы, на которых стоит жизнь страны (энергетика, транспорт, теплоснабжение

и т. д.), созданы в советское время. Все они устроены иначе, чем в западном рыночном хозяйстве.

За последние 20 лет выяснилось, что нынешняя хозяйственная система не может их содержать – при рыночных отношениях они оказываются слишком дорогими. Они деградируют или разрушаются. В то же время рынок не может и построить новые, рыночные системы такого же масштаба. Страна попала в историческую ловушку – в порочный круг, из которого при нынешней хозяйственной системе вырваться невозможно.

Демонтаж советского народа

Надо преодолеть ограничения подходов, загоняющих всю жизнь общества в узкие рамки интересов социальных групп, и посмотреть, что происходит со всей системой связей, объединяющих людей в общности, а их – в общество. Тогда мы сразу увидим, что гораздо более фундаментальными, нежели классовые отношения, являются связи, соединяющие людей в народ. И что непосредственная причина краха СССР заключается в том, что за двадцать лет был демонтирован, “разобран” главный субъект нашей истории, создатель и хозяин СССР – **народ**. Все остальное – следствие.

Идея разборки и создания народов нам непривычна; нам внушили, будто общество развивается по таким же законам, как и природа. В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они проектируются и конструируются. Это – явления культуры, а не природы. Народ – большая система, в которой множество элементов (личностей, семей, общностей разного рода) соединены множеством типов связей так, что целое обретает новые качества, несводимые к качествам его частей.

Связи эти поддаются целенаправленному воздействию, и технологии такого воздействия совершенствуются. Значит, народ можно “разобрать”, демонтировать – так же, как на наших глазах демонтировались рабочий класс или научно-техническая интеллигенция РФ. Ничего мистического в этом нет; надо просто знать, как устроены те или иные связи, собирающие людей в сплоченные общности разного типа. И если какая-то влиятельная сила производит демонтаж народа нашей страны, то исчезает общая воля, а значит, теряет силу и государство – государство остается без народа. При этом ни политическая элита, ни образованный слой, мыслящие в понятиях классового подхода, этого даже не замечают.

В момент большого противостояния с внешними силами (горячей или холодной войны) едва ли не главный удар направлен как раз на тот механизм, что скрепляет народ. В западных армиях возник даже особый род войск, предназначенный для ведения информационно-психологической войны. Но мы в это не верили и на уроках прошлого не учились...

“Молекулярная агрессия” в сознание советского общества велась с начала 1960-х годов на фоне широкого (почти обязательного в среде интеллигенции) инакомыслия, а начиная с 1985 года – открыто средствами идеологической машины КПСС. Тогда эта кампания и приобрела характер психологической войны. Наставления США дают этой войне такое определение: “Планомерное наступательное воздействие политическими, интеллектуальными и эмоциональными средствами на сознание, психику, моральное состояние и поведение населения и вооруженных сил противника”. Именно такое воздействие и оказывалось на население СССР. В американском руководстве 1964 года по психологической войне сказано, что ее цель – “подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится неспособным к сопротивлению”.

Таким образом, целью антисоветской кампании, независимо от индивидуальных устремлений ее участников, была не борьба с идеологией, а деградация **национального** сознания – до такой степени, чтобы **государство** стало неспособным к сопротивлению в цивилизационной холодной войне. Антисоветскую кампанию перестройки надо рассматривать как военную операцию против СССР – формы бытия российской цивилизации конца XX века.

Эта военная операция велась исключительно жесткими средствами практически во всех сферах жизни советского народа – в экономической, социальной, этнической и политической. Разрушению подвергались все духовные

структуры советского человека на большую глубину и основные структуры жизнеустройства. Речь шла не о критике, а об ударах на поражение.

Когда с середины 1970-х годов была начата большая программа, определенно направленная на демонтаж советского народа, наше общество в целом, включая все его защитные системы, восприняло это как обычную буржуазную пропаганду, с которой, конечно же, без труда справится ведомство Суллова. В момент смены поколений была предпринята форсированная операция. На разрушение духовного и психологического каркаса советского народа была направлена большая культурная программа. Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно и с применением сильных технологий.

Предполагалось, что в ходе трансформации удастся создать новый народ, с иными качествами (“новые русские”, “средний класс”). Это и был бы демос, который должен был получить всю власть и собственность. Ведь демократия – это власть демоса, а гражданское общество – “республика собственников”! “Старые русские” (“совки”), утратив статус народа, были бы переведены в разряд охлоса, лишённого собственности и прав. Выполнение этой программы в 1980–1990-е годы свелось к холодной гражданской войне этого наспех сколоченного нового народа (“новых русских”) со старым (советским) народом. Против большинства населения (старого народа) применялись средства информационно-психологической и экономической войны.

Воздействие на массовое сознание в информационно-психологической войне, каковой и была перестройка, имело целью непосредственное разрушение культурного ядра народа¹. В результате экономической и информационно-психологической войн была размонтирована “центральная матрица” мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были инструментами демонтажа того народа, который составлял общество и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. Защитные системы советского государства и общества не нашли адекватного ответа на новый исторический вызов. К 1991 году советский народ был в большой степени “рассыпан” – осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

Прочтение, уже “после битвы”, основных текстов доктрины перестройки показывает, что ликвидация советского народа как особой полиэтнической общности была целью фундаментальной. Эта операция велась в двух планах – как ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, русского народа, и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и Российской Федерации. Интенсивно разрабатывался тезис, что никакого советского народа (нации) не существует и что обитающие в СССР народы общностью не являются. Исподволь в кругах антисоветской элиты культивировалась еще более фундаментальная идея – дескать, население СССР (а затем РФ) вообще не является народом, а народом является лишь скрытое до поры до времени в этом населении особое меньшинство².

Решение перенести главное направление информационно-психологической войны против СССР с социальных проблем в сферу межнациональных отношений было принято в стратегии холодной войны уже в 1970-е годы. Но шоры исторического материализма не позволили советскому обществу осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР “нации есть, а национального вопроса нет”.

В информационно-психологической подготовке политических акций этой программы принял участие весь цвет либерально-демократической элиты. Но

¹ Экономическая война внешне выразилась в лишении народа его общественной собственности (“приватизация” земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению образа жизни (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззренческое ядро. Основные операции этой войны были проведены уже после ликвидации СССР, и здесь мы их не рассматриваем.

² Собрать “новый народ” из новоявленных собственников не удалось, что и предопределило глубину и безысходность кризиса, начавшегося в 1991 г. Это – особая тема, выходящая за рамки работы.

главным рупором идеи разрушения Советского Союза стал А. Д. Сахаров. Предложенная им “Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии” (1989) предполагала расчленение СССР на полторы сотни независимых государств.

Вот несколько кратких утверждений из огромного потока программных сообщений, сделанных самыми различными авторами. Историк Юрий Афанасьев: “СССР не является ни страной, ни государством... СССР как страна не имеет будущего”. Советник Президента РФ Галина Старовойтова: “Советский Союз – последняя империя, которую охватил всемирный процесс деколонизации, идущий с конца II мировой войны... Не следует забывать, что наше государство развивалось искусственно и было основано на насилии”. Историк М. Гефтер так говорил в Фонде Аденауэра об СССР, “этом космополитическом монстре”, что “связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена” и Беловежский вердикт, мол, был закономерным. Писатель А. Адамович заявлял на встрече в МГУ: “На окраинах Союза национальные и демократические идеи в основном смыкаются – особенно в Прибалтике”.

Возбуждая агрессивную этничность, антисоветская интеллигенция заведомо жертвовала демократическим проектом – она открывала путь этнократическим режимам.

В 1991 году был проведен референдум с провокационным вопросом – “надо ли сохранять СССР?”. До этого сама постановка такого вопроса казалась абсурдной и отвергалась массовым сознанием. Теперь даже президент страны заявил, что целесообразность сохранения СССР вызывает сомнения, и надо бы этот вопрос поставить на голосование.

Но следует отметить, что одни только “западники” не могли бы легитимировать в глазах достаточно большой части интеллигенции развал страны, а значит, и поражение России в тяжелой холодной войне. Немалую роль тут сыграли и “патриоты”, отвергавшие имперское устройство России (и СССР). Исходя из представлений этнонационализма, они пытались доказать, что сплотившиеся вокруг русского ядра нерусские народы Российской империи, а затем СССР, истощают жизненные силы русского народа – грубо говоря, “объедают” его. Представители “правого” крыла разрушителей межнационального общегития СССР высказывали совершенно те же тезисы, что и крайняя западница Г. Старовойтова (иногда совпадение у них было почти текстуальное).

Разрушители СССР как могильщики демократии

После ликвидации СССР, и особенно после демонстративного расстрела танковыми орудиями Дома Советов в октябре 1993 года, “архитекторы и прорабы” стали напоминать мировому сообществу о своих заслугах в уничтожении “империи зла”. Видимо, считали, что их заслуги недооценены.

Сам Горбачев представлял себя героем, который сокрушил советское государство. В своей лекции в Мюнхене 8 марта 1992 года он сказал: “Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет? Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул” [9, с. 193].

Таким образом, Горбачев признал, что он действовал согласно **плану, нацеленному на уничтожение СССР**. И цель была достигнута – “тоталитарный монстр рухнул”. Виданное ли в истории дело – верховный правитель державы признается в своей государственной измене! Это – патология, которая нанесла тяжелый удар по культуре постсоветской России.

Более того, Западу стали напоминать, что Горбачев начал служить его интересам еще до перестройки, рискуя своим благополучием. В интервью газете “Коррьере делла сера” (1995 г.) помощник Горбачева Вадим Загладин сказал: “В то время Горбачев не мог говорить открыто, он знал, что большинство Политбюро и ЦК не поддержало бы его позицию. В этом признался сам Горбачев. Он должен был быть немного лисой, не мог сказать всего и порой должен был говорить одно, а делать другое... В речи, которую Горбачев произнес в Лондоне в конце 1983 года, уже содержалась новая политическая концепция, отличная от концепции партии и государства”.

Как называется деятель, который во время войны, пусть холодной, едет за границу и предлагает себя как носитель концепции, противоречащей политике своего государства? Ведь Горбачев предложил именно концепцию, которая привела к разрушению страны – к ее поражению такого масштаба, что Россию сравнивали с Веймарской республикой!¹

Один из интеллектуальных авторов доктрины холодной войны Дж. Кеннан сказал в 1965 году, что план этой войны имел две главных линии: “абсолютное военное поражение Советского Союза или фантастический, необъяснимый и невероятный переворот в политических установках его руководителей”. Военное поражение СССР оказалось невозможным, но второй вариант – предательство верхушки КПСС – осуществился, несмотря на то, что в 1965 году он считался невероятным.

В годовщину ликвидации Берлинской стены, 5 ноября 2009 года, информационное агентство “Евроньюс” взяло у Горбачева интервью, в котором его спрашивали: “СССР развалился. Почему не удался Ваш проект?”. На это бывший Президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС отвечает: “Я, во-первых, не согласен с вашим выводом, что наш проект не удался. Он настолько удался, что в Советском Союзе начались демократические реформы, и теперь, уже после распада, в России идет развитие и формирование рыночной экономики, плюрализм всякого рода: политический, идеологический, религиозный и т. д. Больше того, в результате этих перемен мы дошли до такой точки, что хотя перестройка и оборвалась насильно, но возврата нет. Никто не способен вернуть страну назад. Так что перестройка победила” [10].

Итак, перестройка победила СССР. Над референдумом по вопросу о сохранении СССР победители просто посмеялись. В результате общество отшатнулось от идеи демократии, которая ассоциировалась с перестройкой и образом Горбачева и его команды. Это – колоссальный урон для российского общества. Очернение образа СССР и, почти одновременно, образа демократического жизнеустройства нанесло всему населению, независимо от личных предпочтений каждого, тяжелую культурную травму. Это понятие определяют как “насилиственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам”, как разрушение культурного времени-пространства (по выражению М. М. Бахтина, хронотопа; сам он называл такие культурные травмы “временем гибели богов”). Теория культурной травмы возникла именно в ходе анализа нарушений национальной идентичности народов восточноевропейских социалистических стран во время “бархатных революций” – их перестройки.

Тяжелый удар по культуре нанесла ложь, которой был пропитан весь идеологический дискурс перестройки, представляющий ее переходом к демократии и правовому государству. Для тех, кто лично общался с этими идеологами и читал их тексты, эта ложь стала очевидной уже в 1989–1990 годы, но основная масса населения искренне верила в лозунги и обещания – общество действительно dorосло до общей потребности в демократии. Но стоило ликвидировать СССР и его политический порядок, как те же идеологи стали издеваться над обманутым населением с удивительной глумливостью.

Демократическая риторика обернулась профанацией великой идеи. Вчитаемся в выдержки из программного доклада Т. И. Заславской:

“Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа “сверху”, но на практике переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами. . .

Летом 1990 года мы спросили своих респондентов о том, каковы, по их мнению, главные результаты пяти лет перестройки общественных отношений. Наибольшее число голосов получили ответы: “потеря уверенности в завтрашнем дне” – 43%, “кризис национальных отношений” – 37%, “хаос и неразбериха в управлении страной” – 29%, “углубление экономического кризиса” – 28%. . .

¹ Президент Римского клуба Р. -Д. Хохляйтнер, единственный из западных деятелей, нашедший тогда слова сострадания к советским людям, дал такое определение: “Перестройка – наиболее важное событие этого века для демократических стран всего мира. . . Перестройка не только привела к ликвидации коммунистического режима в СССР, но и радикально изменила равновесие сил в мире. С полным основанием говорится, что Горбачев и его перестройка лучше понимаются и выше оцениваются на Западе. . . Перестройка была бы немислима и не могла бы произойти, если бы не уникальная и неповторимая личность Михаила Горбачева”.

Чтобы выяснить, как большинство людей оценивают влияние перестройки на собственную жизнь, был задан вопрос: “Стала ли Ваша жизнь после того, как в 1985 году к руководству пришел М. С. Горбачев, лучше, хуже или не изменилась?”. 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% – не изменилась, у 57% стала хуже, 14% затруднились ответить... Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59%.

Общественное мнение чутко улавливает тенденцию к усилению социального расслоения: ее отмечают 59–63% опрошенных. Почти 60% уверены, что в дальнейшем различия в уровне жизни богатых и бедных будут расти. Когда же мы попытались выяснить, кто имеет наибольшие шансы повысить свои доходы, то на первые места вышли ответы: “богаче станут только те, кто живет нечестным трудом” (46%), “получать больше станут те, кто сумеет приспособиться на хорошую работу” (43%), “богатые станут жить богаче, а бедные – беднее” (41%)... Только 2–3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция” [1].

Поражает логика идеолога демократической перестройки. Ведь, по приведенным самой Т. И. Заславской данным, большинство опрошенных оценивали перестройку как бедствие, которое будет лишь углубляться в ходе начатой реформы. Какая может быть “революция снизу”, когда “только 2–3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция”! О чем думали ведущие общественеды, слушавшие этот доклад в Президиуме АН СССР? Как можно было не заметить крайнего антидемократизма принципиальных положений этого доклада?

А вот что пишет Т. И. Заславская об установках населения в отношении Октябрьской революции: “Анализ полученных данных позволил выделить четыре типа социально-политических позиций. Два первых типа характерны для 40–50% взрослого населения страны. Они объединяют людей, считающих: что большевики должны были взять власть (52%); что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны (39%); что она открыла новую эру в ее истории, дала толчок ее социальному и экономическому развитию (45%).

Респонденты второго типа, составляющие 25–30%, придерживаются несколько иных позиций. Признавая историческую необходимость революции, они осуждают многие действия большевиков... Третья позиция отличается от второй перерастанием критицизма в принципиальное неприятие идей Октябрьской революции... Прямые сторонники перехода страны с социалистического пути на капиталистический составили около 10%...

В сентябрьском опросе 1990 года был использован другой вариант того же вопроса: “Каким курсом должен следовать СССР в будущем?” За “отказ от социализма и переход к капитализму” здесь высказались 8%, за “социал-демократию североевропейского типа, сочетающую черты социализма и капитализма” – 30%...

Общий вывод заключается в том, что значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным... Есть основания ожидать, что по мере развития рынка и формирования слоя предпринимателей социальный конфликт между ними и основной массой трудящихся будет обостряться” [1].

И это называют демократической революцией снизу! Сама эта демагогия вызвала отвращение людей – а ведь бедствие в тот момент еще не наступило!

Преобразования, начатые в 1988 году, были столь радикальными (“шоковыми”), что их было бы правильнее называть революционными. В обиход даже вошло иррациональное выражение “реформа посредством слома”. Да и сами идеологи перестройки любили называть ее революцией, причем уточнялось, что речь шла о революции разрушительной: “Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур” (Н. П. Шмелев). Е. Г. Ясин также считал, что в 1991 году в СССР произошла революция: “По своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [августовская] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 года”.

Разрушительный пафос перестройки достиг такого накала, что была подорвана сама способность “демократической” элиты к рациональным умозак-

лучениям. Дж. Гэлбрейт, один из виднейших экономистов США, посетив в 1990 году Москву и ознакомившись с доктриной реформ, сказал: “Говорящие – а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь – о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить” [11].

Психическое отклонение клинического характера – вот как воспринимался замысел перестройки СССР по рыночным канонам.

Да это было очевидно практически всем, включая грабителей, которые воспользовались моментом. А. С. Ципко вспоминает: “Во время одной из телепередач на упрек в несостоятельности российских демократов Юрий Афанасьев неожиданно ответил: “Вы правы, результат реформ катастрофичен и, наверное, не могло быть по-другому. Мы, на самом деле, были слепые поводыри слепых” [12].

Ю. Афанасьев скромничает: они не были поводырями слепых; уже в 1990 году люди стали зрячими, как это видно из опросов ВЦИОМ. Но слепые фанатики их уже не вели, а гнали. А навыков самоорганизации у них не было – вот следствие избыточного патернализма СССР.

В конце 1990-х годов были не редкость такие откровения идеологов антисоветской элиты. В их признаниях сквозь мессианское высокомерие разрушителей “империи зла” иногда даже прорывалась нотка раскаяния. Вот статья-манифест А. С. Ципко, консультанта ЦК КПСС, в котором так говорится об интеллектуальной элите перестройки: “Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И, наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...”

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной – и тем самым антикоммунистической – революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т. д.

И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дождаться разрушительных перемен” [13].

Их раскаяния уже никому не нужны. Нам требуется адекватное объяснение тех социальных и культурных процессов и явлений, погрузивших Россию и все постсоветское пространство в кризис, выхода из которого пока не видно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Заславская Т. И. Социализм, перестройка и общественное мнение // СОЦИС, 1991. № 8.
2. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ, 1996. № 4.
3. Патрушев В. Жизнь горожанина (1965–1998). М.: Academia. 2001.
4. Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо. 1991.
5. Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. М.: Три века истории, 2001. С. 14.
6. Батыгин Г. С. “Социальные ученые” в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социаль-

ных наук // Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005.

7. Яковлев А. О перестройке, демократии и “стабильности” // Независимая газета. 2003, 2 декабря.
8. Последние письма немцев из Сталинграда // Знамя, 1990, № 3. С. 185–204.
9. Горбачев М. Декабрь–91. Моя позиция. М.: Изд-во “Новости”, 1992.
10. <<http://ru.euronews.net/2009/11/05/mikhail-gorbachev-former-ussr-president-perestroika-won-but-politically-i-lost>>.
11. Гэлбрейт Дж. Почему правые не правы? // Известия, 31 янв. 1990.
12. Ципко А. С. Драма перестройки: кризис национального сознания // Экономика и общественная среда: Неосознанное взаимовлияние. М.: ИЭ РАН. 2008. С. 84.
13. Ципко А. Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием // Независимая газета. 17.05.2000.